

Илья Муромец и Сокольник (4)

Ай во стольнѣм во оде во Киеви,
Там жили на за́ставы богáтыри,
Каравулили-хранили стольнѣй Киев-град,
Не видали они не конного, не пешого,
Не прохожого оне да не проежжого.
Да не серой там волк да не прорыскивал,
Да не чѣрной медведь там не пробегивал.
Ставает старбѣй да поутру рано,
Да выходит старбѣй дак вон на вулецу,
Да берѣт-де старбѣй подзорну трубочку.
Он смотрит под сторону под'летнѣю —
Кабы там-де стоят да леса темныя;
Он смотрит под сторону под западню —
Кабы там-де стоят горы ледяныя;
Он смотрит под сторону под северну —
Кабы там-де стоит да морѣ синяѣ;
Он смотрит под сторону восточную —
Кабы там-де стоит да полѣ чыстоѣ.
Не туман, видит, в поле да колыбаитце,
Видит: ездит богатырь, забавляйтце.
Он кверху-то стрелочку постреливат,
На сыру землю стрелку не ураниват,
На лету ету стрелочку подхватыват,
На одном-то колени дѣржит чернильничку,
На другом-то колени дѣржит гумажочку,
Да и пишот богáтырь скору грамотку.
Подъежжает богáтырь ко белú шатру,
Он подбросил ету грамотку старбѣму казаку.
Вот берет-де старбѣй да ету грамотку,
Да заходит старбѣй да во белбѣй шатѣр,
Заревел тут старбѣй да громким голосом:
«Уж как не времѣ спать, да нам пора ставать,
От великого сону пробужатися,
От великой хмелинки просыпатися!»
Вот скочили ребята на резвы́ ногѣ,

Умывались они да ключевой водой,
Утирались они все полотенышком,
Вот и стал им читать да старый грамотку:
«Уж я еду-де к вам да во стольней Киѳв-град,
Я греметь-штормовать у вас в стольнѳм Кieve,
Старá казака да я под меч склоню,
Молоду еѳо княгиню за себя возьму,
А белóй ваш шатѳр да я на дым спущу,
А святы́ ваши иконы на поплав воды спущу,
А Мишку Торопанишка — во конюхи,
А Добрыню Микитичя — во писари,
Кабы Мишки Торопанишку — чашки-ложки ему мыть,
Чашки-ложки ему мыть да поварѳночки».

Вот и стал тогда старой да их выпрашивать:
«Да коѳо мы пошлѳм да во чыстó полѳ,
Во чыстó полѳ пошлѳм мы за боѳатырѳм?
А послать бы нам Мишку Торопанишка:
У нас Мишка-та роду торопливого,
Заевяд он потерят свою буйну голову.
А пошлѳм лучшѳ Добрынюшку Мекитичя:
А Добрыня-то роду да у нас вежливоѳ,
Он сумеѳт с боѳатырѳм-то съехатьце,
Он сумеѳт боѳатырю ведь чесь воздать».

Вот и стал тогда Добрынюшка срежатися,
Вот и стал тут Микитич сподоблятися.

А не видяли, Добрыня как на коня когда скочил,
А увидяли: Добрыня в стремяна ступил.
Да увидяли: в чыстóм поле куревá стоит,
Куревá где стоит, да дым столбом валит,
У коня-то ыз роту пламѳ мечитце,
У коня из ноздрей да искры сыплютце.
Полятел тут Добрыня во чыстó полѳ,
Подъезжает Добрыня ко боѳатырю,
Зарявел тут Добрыня во перьвóй након:
«А куда же ты едѳшь, куда путь дѳржишь?
Не воротишь ты на зáставу каравульнюю?»
А на ето боѳатырь не ослушалсá.
Заревел тогда Добрыня во второй након:
«Ах ты лѳтишь, ворона пустопѳрая,

Ах ты лётишь, сорока загумённая,
Ах ты нас, видно́, бога́тырей, нечым зовёшь?»
А на ето Сокольник поворот даёт,
Налетел тут Сокольник на Добрынюшку,
Он схватил тогда Добрыню со добра́ коня,
Он бросил е́го да на сыру́ землю,
Да и дал ему по жопы-то два тяпыша,
Да прыбавил ему да два олабыша,
Посадил его назад да на добра́ коня:
«Поежжай ты назад да во белой шатёр
Да скажи старику от меня низкóй поклон,
Да пускай вами, говном, не заменяйтце,
Самому ему со мной да не поправитцэ».
Видят: едёт Добрыня не по-старому,
А конь-то бежит да не по-прежнему,
Повеся́ он дёржит да буйну голову,
Потопя он дёржит дак очи ясныя.
Подъезжает Добрыня ко белу́ шатру,
Да заходит Добрыня во бело́й шатёр.
Вот и стал е́го старик тогда допрашивать,
Ай и стал ему Добрынюшка рассказывать:
«Он послал со мной тебе низкóй поклóн,
Не велел нами, говном, да заменятися, —
Самому ему со мной, говорит, не поправитцэ».
У старо́го-то плеча расходилисе,
А глаза у его да помутилисе,
Заревел тогда старо́й да громким голосом:
«Вы уздайте, седлайте ко́ня доброго,
Коня доброго уздайте да со восьми цепей.
Не успеете вы, говорит, горшка сварить —
Привезу я ведь тотарску да буйну голову!»
Вот и стал тут старо́й тогда срежатисе,
Надевает он латы да бога́тырьцкия,
Надевает он шляпу да на левó вухó,
А черно́й ворон у е́го на левóм плечи,
А сизо́й-то орёл да на по-правом плечи,
Да не видели, старо́й как на коня когда скочил,
А увидели: старо́й да в стремяна ко́вда ступил.
Да увидели: в чысто́м поле курева́ стоит,

Курева где стоит, да дым столбом валит,
У коня-то из роту пламё мечитце,
У коня из ноздрей да искры сыплютце,
А хвост-от трубачкой завиваитце.
Полятел тут старóй да во чыстó полё,
Подъезжает старóй да ко богáтырю,
Заревел тут старик да во перьвóй након:
«А куда же ты едёшь, куда путь дёржишь?
Не воротишь ты на зáставу каравульнюю?»
А на ето богáтырь не ослушалсэ.
Заревел тут старóй да во второй након:
«Ах ты лéтишь, ворона пустопёрая,
Ах ты лéтишь, сорока загумённая,
Ах ты нас, винно́, богáтырей, нечим зовёшь?»
А на ето богáтырь поворот даёт.
А не две тут ведь тучи да столкнулисе —
Два богáтыря тут да солеталисе.
Задрожала тогда да мать сыра́ земля.
Они бились-хвостались да целы суточки —
У их палицы все да изломалисе.
Они ж выхватили сабельки булатныя.
Они бились-рубились да вторы суточки —
У их сабли-ти все да исщарбалисе.
Они бросили тот бой да о сыру землю́.
Да скочили тогда да со добрых коней,
Да схватились они тогда в охабочку.
Они бились-боролись третьи суточки,
А старогó похвальнё слово спутало —
Ан одна-та нога да подкатнуласе,
А втора-та нога да подломиласе —
Упал тогда старóй да на сырú землю́.
Заскочил ему Сокольник на белы́ груди,
Он разóрвал-де латы да богáтырския,
Да и вытащил чиньжалишчо булатноё.
Взмолилсэ старой тогда Богородицы:
«Пресвятая ты мати Богородица,
Почему ты меня да ето выдала
Черным вóронам да на росклёваньё,
А лютым-то зверьям да на растасканьё?

Я стоял ведь за веру за Христовую,
А молился всегда тебе, Богородицы».
А не ветру полоска тогда махнула же —
Вдвоя-втроя у старого силы прибыло,
Сосвистнул он Сокольника со белых грудей,
Заскочил он ему да на его груди,
Он разорвал-де латы да богатырския
Да и вытащил чинжалишчо булатноё.
Замахнулся Сокольнику во белые груди —
А в махальни рука у его застоялесе.
Вот и стал его старой да тут расспрашивать:
«Да какого же ты роду, какой племени,
А как же тебя зовут по имени?»
Отвечает Сокольник да такую речь:
«Когда был я у ты да на твоих грудях,
Я не спрашивал не роду у ты, не племени».
Замахнулся старой да во второй након —
В завяты у его рука да застоялесе.
Вот и стал его старой ище выпрашивать:
«Да какого же ты роду, какой племени,
Ах как же тебя зовут по имени?»
Отвечает Сокольник такую ему речь:
«Есь, грит, за морем богатырица да одноокая,
Я ейный сынок, а отец у мня прохожий молодёц».
Соскоцил тогда старой да на резвы ноги,
Поднимает Сокольника на резвы ногы:
«Ах ты ой еси, дитяtko, Сокольник же,
А ведь ты будёшь сынок, а я отец тебе».

(Это было как раз, — я сказкой остатки доскажу, что ле, петь-то не замог.)

Он, это самое, стар казак, ездил всегда он по всём свету, искал всё себе поединщыка, чтобы хто мог с им состоять. И вот и он как раз услышал это — за морем там одноокая богатырица есь очонь сильня. Он к ей уехал, там силу тожо попробовать; ну он там с ей отведальсе, ей победил, ну, она и стала просить в гости его там, к ему. Оне уехали, видно, там подвыпили, погостились, да и переспали там. И он прижил этого самого вот Сокольника ей, в это время, в этой

гостьбы. Ему только было.

двенадцать лет, он стал у матери просить благословенье ехать себе поединщика искать. А она говорит:

«Что ты, дитяtko, молодёшенёк ты, зеленёшенёк... *(Оно — всё бы оно поётся, ну я... худо петь-то мне,*

не могу!) Ты, говорит, тебе, говорит, не времё ехать, ты, grit, пока подрости, подобрей; подобреёшь,

тогда, grit, поедёшь». А он ей заявил: «Дашь, говорит, коня, поеду, и не дашь — поеду!» Ну, она,

в силу необходимости, пришлось ей отдать коня боғатырскоґо своего. И он вот к им и приехал. Она ёму

рассказала, что вот такая-то там боғатыри живут, охраняют такой-то город, и вот он к им и приехал, как

раз этот сын его. И вот они тут и сразились.

Ну, он только был двенадцати ище лет, но он уже отца своего всё-таки переодолел. Ну, и вот он,

настолько был, тожо уж боғатырь был, дак ишь и серьцо-то большое жо было. Стал его стар казак звать

в гости-ка к отцю там, а он grit: «Нет, я уж поеду счас домой, grit, а приеду — дак только с матерью,

говорит, к тебе в гости». Приехал домой, россердилсе так, разнервничал. Мати вышла его встречать:

«Где же ты, дитяtko, говорит, побыл, кого же ты повидел?» — «Был, говорит, я за морём, видел

бозыкову коровушку, говорит. Она, говорит, тебя зовёт блядью, а меня — выблядком!» Россердился,

матерь свою чинжалишчом шарнул, и матерь свою убил. И тоґда завернул своего коня и поехал обратно, опять во белой шатёр.

Приехал, а стар казак с великоґо побоища. У его ети все помощники видели там, как они дрались.

Они от страху убежали все и лишились своего шатра. Он приехал, — их никоґо нету. Он коня спустил

там и лёг, да боғатырским сном заснул. А ет Сокольник прилетел, сын его, ко белу шатру, заскочил во

белой шатёр, а отец ёго спит боғатырьским сном. Шарнул ему чинжалишчом в грудь. Погодилсе,

говорит, у староґо старинной чуден крест, говорит. Угадал да в самый крест

выгнул, а груди не повредил.

Скочил, говорит, стар казак, говорит, на резвы́ ногі,
Схватил, говорит, Сокольника в-за белы́ кудри́, говорит,
Хвостнул его о кирпичён пол,
Наступил, говорит, ему на одну руку, другую оторвал, говорит,
Наступил, говорит, на одну ногу, — оторвал.
И выбросил за окошко и опять лёг спать.

*(На этом старина, по-моёму, кончилась. Может быть, и еще дальше что ле
было, но я больше-то не могу петь-то. Вишь, когда бы у меня ребята вот
помогали бы, то бы мы спели всё бы это. Но мне трудно. У меня вишь как
сердцо-то больнѐ, дак мне трудно петь-то. Долго-то не могу я.)*

*(Зап. Балашовым Д. М.: дек. 1964 г., д. Боровская Пижемского с/с Усть-
Цилемского р-на Коми АССР — от Чупрова Еремея Провича, 77 лет.)*

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.:
Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.